

Смерть Сулеймани ничего не меняет для Ирана

Погибший генерал был важной фигурой иранского режима. Но и после его убийства Исламская Республика не утратит влияния в регионе.

Нарджес Баджогли | 08.01.2020

Траурное шествие в Кермане на похоронах Сулеймани

Эта статья также доступна на [английском](#) / [немецком](#) языке

Убийство Соединенными Штатами иранского генерал-майора Касема Сулеймани стало беспрецедентным обострением за всю 40-летнюю историю конфронтации двух стран. Генерал Сулеймани был влиятельным командиром спецподразделения «Аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), и у нас есть все основания ожидать возмездия в масштабах всего региона. Но само по себе убийство генерала не ослабит Стражей революции или роль Ирана в данном регионе.

Представление о том, что генерал Сулеймани обладал абсолютной властью и что подразделение «Аль-Кудс» отныне сдаст свои позиции или нарушатся связи между Ираном и вооруженными шиитскими формированиями в Ираке и Ливане (такими как «Хезболла»), является признаком поверхностного и откровенно заидеологизированного восприятия Ирана и Стражей революции.

Он был воплощением иранской власти на пространстве от Ливана до Йемена, однако далеко не единственным

Давайте проанализируем последствия других похожих убийств. Состоявшаяся в 2008 году ликвидация Имада Мугния, одного из ключевых лидеров «Хезболлы», никак не ослабила данную группировку – в реальности все произошло с точностью да наоборот. Точно так же и многолетние точечные убийства представителей движения «Хамас» в секторе Газа не подорвали жизнеспособность этой организации. По своим размерам и влиянию КСИР и Исламская Республика превосходят любую из этих группировок.

Для понимания нынешней структуры Стражей революции стоит обратиться к ирано-иракской войне 1980-1988 годов. Именно на полях сражений этой самой продолжительной неядерной войны XX столетия иранские Стражи ковали свою боевую культуру и лидерскую идеологию. В столкновениях с иракскими войсками, опиравшимися на значительную поддержку США и Запада, иранские Стражи освоили приемы асимметричного боя – новую стратегию, которую они с тех пор довели до совершенства. В первую очередь она подразумевает перенос полномочий по принятию решений на уровень малых и зачастую ситуативно сформированных групп, которые проводят частично независимые операции в отношении значительно превосходящих сил противника.

Я десять лет провела в Иране, исследуя Стражей революции и формирование их образа в иранских СМИ. Одно из моих ключевых наблюдений сводилось к следующему: независимо от места проведения операций, будь то Иран или зарубежные зоны боевых действий, их решения неизменно основывались на ситуативном лидерстве. Не было такого, чтобы решения и действия просто исходили от одного человека или даже узкой группы людей – многие члены этой организации обладают опытом построения отношений, выработки стратегии и принятия решений.

Это резко контрастирует с публичным имиджем генерала Сулеймани как внутри страны, так и за рубежом – с тем самым имиджем, который с 2013 года широко раскручивается в прессе. В рамках своей исследовательской работы я сопровождала отдельных членов его медийной команды, наблюдая за процессом создания кинофильмов, документальных лент и даже музыкальных клипов на фарси и арабском языке, в которых возвеличивались подвиги генерала в борьбе с «Исламским государством». По результатам соцопросов в Иране, он неизменно оказывался среди наиболее популярных фигур нынешнего режима. Сохранению его репутации в бурной политической жизни Исламской Республики поспособствовал тот факт, что большая часть его деятельности проходила за пределами Ирана.

Убийство генерала Сулеймани предоставляет хорошую возможность объединить страну

Точно так же сложно переоценить символическое значение генерала Сулеймани для данного региона, особенно среди арабских шиитских групп в Ираке и Ливане. Он был воплощением иранской власти на пространстве от Ливана до Йемена – воплощением потока денег, оружия и советников. Но как бы ни пытались западные СМИ доказать обратное, генерал Сулеймани был не единственным представителем Стражей революции, который выстраивал такие личностные отношения. Далекое не единственным.

Такая структура Стражей способствует тому, что их отношения с вооруженными формированиями иракских и ливанских шиитов носят продолжительный и глубокий характер. За время своего пребывания в Иране и Ливане я встречала иностранных боевиков, которые немало времени проводили в Иране – как по работе, так и с целью отдохнуть. Они бегло говорили на фарси и прекрасно разбирались в идеологии Стражей революции. Браки, торговля, история и культура – вот те связи, которые переплетают эти группировки между собой. При всей своей значимости

генерал Сулеймани не был единственным скрепляющим элементом во всей этой конструкции.

История Ирана и населяющих его народов насчитывает не одну тысячу лет в данном регионе. Это никак не «искореняется» убийствами и авиаударами. Эти отношения – как среди Стражей революции, так и между стражами и их зарубежными союзниками – носят глубинный характер: они не упираются в одну-единственную фигуру. Примечательно, что Иран уже определился с кандидатурой преемника – им стал Исмаил Каани, многолетний заместитель генерала Сулеймани.

Это было в высшей мере символическое убийство. А энергия символичности способна подвигнуть людей к действиям – вот где кроется главная проблема для США.

Убийство генерала Сулеймани предоставляет хорошую возможность объединить страну – на фоне внутривнутриполитических противостояний в самом Иране, в результате которых государство прибегло к силовым мерам для разгона демонстрантов в ноябре прошлого года. Исламская Республика умеет консолидироваться перед лицом общего внешнего врага: у нее это получалось во время ирано-иракской войны, а также в борьбе с «Исламским государством» и при противодействии американским санкциям.

В этом отношении влияние генерала Сулеймани сохранится и после его смерти, а то и вообще вырастет в разы. США всего лишь устранили фигуру, которая пользовалась большой популярностью в военных кругах данного региона. И генерал Сулеймани не был единственным боевым командиром и стратегом, который желал ухода Соединенных Штатов из данного региона. Это было в высшей мере символическое убийство. А энергия символичности способна подвигнуть людей к действиям – вот где кроется главная проблема для США.

Перевод с английского Андрея Уманца

(c) The New York Times 2020